

М.В. Гречишкина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ А.И. ТЕРЕНОЖКИНА В СРЕДНЕЙ АЗИИ (1929—1941 гг.)

В статье рассматриваются исследования А.И. Тереножкина в Средней Азии в 1929—1941 гг. Этому периоду его деятельности уделялось недостаточно внимания, чем и обусловлены актуальность и новизна. Исследованный материал позволяет проследить становление ученого, а также выделить круг его научных интересов. Рассмотрено три основных этапа: разведки в Киргизии, Казахстане, Узбекистане, главным итогом которых стало введение в научный оборот новых материалов. «Хорезмийский» этап — открытие ученым ряда памятников древнего Хорезма, изучение средневековой архитектуры региона, вопросов искусства, гончарного производства, периодизации; «ташкентский» — изучение особенностей средневековой архитектуры региона по материалам крепости Ак-тепе; археологические исследования ученого при строительстве Большого Ташкентского канала, в ходе которых была открыта бургулюкская культура, найдены и описаны памятники от каменного века до средневековья. В целом, А.И. Тереножкин внес значительный вклад в изучение древней истории стран Средней Азии, а его исследования, источниковая база и идеи послужили основой для научных разработок следующими поколениями специалистов.

M.V. Hrechyshkina

ARCHAEOLOGIC RESEARCH OF O.I. TERENOZHKIN IN THE CENTRAL ASIA (1929—1941)

The article views the research by O.I. Terenozhkin in the Central Asia since 1929 to 1941. This period of his activity has received insufficient attention which causes topicality and novelty. The material researched allows the author to trace the development of a scholar, and also to define a circle of his interests. Three main stages are viewed: archaeological prospecting in Kyrgyzstan, Kazakhstan, and Uzbekistan, the main result of which was presenting the new materials to the scientific circles. On the «Chorasmian» stage the researcher discovered a number of sites of the Ancient Choresm, studied mediaeval architecture of a region, issues of art, ceramics, and division into periods. On the «Tashkent» stage he studied the peculiarities of mediaeval architecture of a region based on the materials of Ak-Tepe fortress. The last stage is the archaeological research of the scholar during the construction of the Great Tashkent canal, when Burguluk culture was discovered, and the sites dating from the Stone Age to the Mediaeval period were found and described. In general, O.I. Terenozhkin contributed a lot to the study of the ancient history of countries of the Central Asia, and his research, source base and ideas became the base for the scientific developments of the succeeding generations of scholars.

Ейкхоф М.

«РОМАНТИКА 1001 НОЧИ» ЗА ВОСТОЧНЫМ ФРОНТОМ? МИКРОИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАСКОПОК СС-АНЕНЕРБЕ В СОЛЕНОМ (Украина, 1943 г.)¹

На основании изучения архивных материалов и опроса поданы результаты исследования трех курганов в с. Соленое (Украина), проведенных летом 1943 г. нидерландским доисториком Ф.С. Буршом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Восточная Европа, Украина, Вторая мировая война, СС-Аненербе, раскопки курганов

Летом 1943 года нидерландский доисторик Ф.С. Бурш по приглашению окружного комиссара (Гебитскомиссара) Днепропетровска СС-Бригаденфюрера Клауза Селцнера и научной службы СС-Аненербе (нем. *Ahnenerbe* — насле-

ха Шиллера (FSU) в г. Йена. Автор выражает благодарность Norbert Frei, профессору новой и новейшей истории FSU, за гостеприимство, а также за безвозмездное сотрудничество следующим лицам: Luc Amkreutz, Arnold Andrea, Валентине Бекетовой, Karel Berkhoff, Marieke Bloembergen, W.J. de Boone, Е.Л. Фещенко, Я.П. Гершковичу, С.А. van Hees, Leon van Hoof, Uta Halle, Н. Капустиной, Achim Leube, Б.В. Магомедову, В.Н. Павлову, А.П. Супруненко, Л. Чуриловой, Leo Verhart, Simon Wynia. Особая благодарность — Paul van der Woerd за перевод статьи с нидерландского языка на русский, а также Нидерландскому институту военной документации (NIOD), который финансировал перевод.

¹ Данная статья написана благодаря субсидии «Talent» Нидерландской организации научного исследования (NOW), обеспечившей пребывание автора в качестве гостя-исследователя в 2005—2006 гг. в Историческом институте университета им. Фридри-

дие предков) организовал экспедицию в расположенное южнее Днепропетровска с. Соленое (о Селцнере см.: Hufen 1998; Berkhoff 2004, p. 39). Там он с июня по сентябрь раскапывал три кургана. Полностью следуя политике Аненербе, Бурш в своих исследованиях применял самые современные методы. В течение раскопок на него произвели сильное впечатление украинское население и культура. Однако к более близкому знакомству с местными жителями или сотрудничеству с украинскими учреждениями по археологическим исследованиям он не стремился. Конечной целью было и осталось с помощью археологических раскопок легитимизировать завоевание Украины Германией, а также применяемую там политику истребления населения.

В Западной Европе раскопки СС-Аненербе под Соленым вскоре забылись. В 1974 г. историк М.Н. Катер в книге об Аненербе заключил, что СС в Украине раскопок не производил (Kater 1974, s. 158). То, что на самом деле раскопки производили, показали исследования в Германии и в Нидерландах лишь в середине 90-х гг. (Hufen 1998; Eickhoff 2002). Оказалось, что документация и несколько находок из раскопок находятся на складе Государственного музея древностей в г. Лейден, т. е. в том музее, где Бурш работал консерватором (обзор находок см.: Noof van 1998). Эти материалы Бурш и его коллеги по окончании раскопок перевезли в Лейден для дальнейшей обработки. В 1944 г. в результате этого была опубликована статья (Bursch 1944), которая, однако, не упоминается ни в одном археологическом издании и, вероятно, осталась неизвестной.

В этой статье автор намерен изложить, что происходило вокруг раскопок СС-Аненербе в Соленом, и стремится опровергнуть доминирующие взгляды на эти раскопки, противопоставляя им украинские. С этой целью были проведены беседы, с одной стороны, с непосредственными и косвенными свидетелями из Соленого, с другой — с археологами в Киеве и Днепропетровске². При этом исходным пунктом является тот факт, что археологические реалии могут оказывать объединяющее или же разъединяющее действие в зависимости от на-

² Это Б.В. Магомедов и Я.П. Гершкович (Киев, ИА НАНУ, 29.05.2006 г.), Н. Капустина, Л. Чурилова, В. Бекетова (Днепропетровск, Исторический музей, 31.05.2006 г.), Е.Л. Фещенко (Соленое, Охрана памятников истории и культуры), В.Н. Павлов (Соленое, историк-краевед), А.П. Супруненко (житель Соленого) — все 1.06.2006 г. Автор благодарит переводчицу Андрее Арнольд.

строения, умения и желания. В Европе XIX—XX вв. подобные процессы объединения и разъединения зачастую происходили в национальном контексте (Brather 2003; Diaz-Andreu, Champion 1996). Существовали и «контринтерпретации»: оценка археологических проявлений также происходила в региональных и сверхнациональных рамках и к тому же определялась политическими, культурными, этнически-расовыми или религиозными взглядами. Поэтому некоторые решили, что археологические места можно назвать «*sites of conflict in the construction of multiple pasts*» (Hodder 1998). Автор искал доказательства подобных конфликтов касательно курганов под Соленым, задавая следующие вопросы. В рамках какой исследовательской программы ими интересовался Аненербе? Как их оценивали в Советском Союзе местные жители и украинские археологи? Какой эффект на эту местную оценку и на украинские научные традиции оказал интерес СС-Аненербе? Можно ли говорить о взаимодействии, а если да — в каком плане?

Нидерландский археолог среди украинцев.

Во время пребывания в Украине Бурш писал отчеты о поездках для нидерландскоязычного нацистского журнала *De Waag* (Весовая). Отчеты имели анекдотический характер и описывали общество без евреев. Бурш не упоминал, что больше, чем за год до его прибытия, между 9 и 12 февраля 1942 г., в районе Соленого Einsatzgruppe согнала и расстреляла 49 евреев, в том числе 13 детей, 21 женщину и 15 мужчин (Круглов 2001, с. 294)³.

Характерен для взглядов Бурша отчет о его поездке на двухколесной запряженной лошади коляске в обществе «нескольких» украинцев: «Прежде всего, это мне дало возможность поближе наблюдать жизнь населения». Договорились выехать в сторону Днепра. По пути Бурш пообещал у «добропорядочных крестьян» и записал: «С трогательной заботливостью старушка нам приготовила обед: густой русский суп с многими овощами, потом сложенные в треугольники блины со сметаной». Стало поздно и ясно, что до Днепра добраться уже немислимо, и было решено вернуться. При возвращении в ту же хату их опять начали кормить. Бурш, наевшись прошлый раз, больше кушать не мог. Он записал: «Из неудобного положения я спасся тем, что поднял обе руки вверх жестом, который все поняли и приняли общим смехом» (Bursch 1943/39⁴, s. 620—621).

³ Благодарю Анну Абакунову.

⁴ Поскольку речь идет, главным образом, о публи-

Бурш и его сотрудник де Бооне на веранде хаты в Соленом (авторские права принадлежат Государственному музею древностей, Лейден, Нидерланды)

Несмотря на понимаемый язык жестов, Бурш остался посторонним человеком, что ясно, прежде всего, с тех моментов, когда он сам непосредственно оказывался свидетелем немецкого террора. В одной из статей он упомянул расстрел немецкими властями «*несколько непоколебимых партизан в нашей деревне*». Он удивился, что супруги расстрелянных унесли их тела «*вполне сдержанно*», не пустив слезу. Бурш, не пожелав или не сумев углубиться в психику этих женщин, заметил: «*Жесткий этот народ...*» (Bursch 1943/38, s. 596—597).

Именно потому, что Бурш находился среди украинцев, экспедиция в Украину произвела на него очень сильное впечатление и затронула основы его нацистского мировоззрения. В течение раскопок он вместе со своими сотрудниками — художником В.Й. де Бооне и переводчиком-фотографом Ф. ван Мером — жил в хате на главной улице Соленого, предоставленной им Гебитскомиссаром, о бывших жильцах которой ничего не известно. В записях Бурша упоминаются такие удобства, как центральное отопление, электричество, проточная вода, а также кухарка и кучер. Пребывая в Соленом, Бурш, как уже известно из отчета поездки на коляске, был под впечатлением украинских обычаев и традиций. Население он описал как «*интеллигентное, по внешности нам родное*» (Bursch 1943/24, s. 375). Но общение с местными совсем не потрясло

его вдохновленные расовым мышлением чувства превосходства, хотя могло бы быть иначе. Как показывают сообщения Sicherheitsdienst (SD, Служба безопасности), у немецких солдат уже зимой 1941/1942 гг. возникли сомнения в правдивости немецкой расистской пропаганды о русских и украинцах. Действительность за фронтом выглядела не так, как утверждала эта пропаганда. Население оказалось и дружелюбным, и одаренным, а к тому же воинственность Красной Армии внушала уважение. Тем не менее, находились и солдаты, не поддающие сомнению пропаганду (Wette 1994; Fetscher 2003), как и Бурш, что доказывают его частная переписка, а также научные и пропагандистские издания о раскопках. В сентябре 1943 г. он вернулся в Голландию, по собственным словам, «закаленным национал-социалистом»: его мировоззрение, соединяющее науку и национал-социализм, было лишь подкреплено археологическими, физически-антропологическими и этнографическими наблюдениями⁵.

Бурш как в статьях в *De Waag*, так и в частных письмах ссылаясь на основу нацистского мировоззрения, т. е. на ту мысль, что внутри человечества существовало расовое неравенство и что важнейшие культурные различия можно объяснить с расовой точки зрения. При встречах с местными жителями систематически вы-

кациях в *De Waag* 1943 г., через дробь указан номер (прим. ред.).

⁵ Bursch F.C. *Lezing-Russische Reisindrukken* // Год и место издания не указаны. Частный архив Ф.С. Бурша, папка IV.

давались расовые классификации. Таким образом было создано расстояние и подкреплено неравенство. О расовом составе украинцев Бурш в *De Waag* утверждал: «С расовой точки зрения население Украины смешано, но бросается в глаза сильный элемент северной расы, по крайней мере кажущийся европейским».

Бурш отличал четыре главных типа: народных немцев (*Volksduitschers*); тип, производящий «северное впечатление»; «монгольский» и с «татарской кровью» (Bursch 1943/30). Разные типы были им запечатлены с помощью этнографических портретных фотографий. Однако, наверное из-за нехватки времени, его подход не стал систематическим. Для него и его сотрудников узнавание расовых типов на практике осталось чем-то вроде настольной, хотя и не совсем невинной игры. Найденное между ним и украинцами родство Бурш мог игнорировать, поскольку нашел также расовое смешение. Поэтому все положительное, что он испытывал в Украине, он объяснял иностранным происхождением, как воздействие «северной расы».

Высокомерное отношение Бурша к украинцам подкреплялось колониальной системой отчета. Экспедиция Аненербе была поддержана так называемой Нидерландской восточной компанией (*Nederlandsche Oostcompagnie, NOC*) (Rost von Tonningen 1943; Barnouw 2004). Это созданное в 1942 г. нацистское учреждение вносило нидерландский вклад в так наз. «колониализацию» завоеванной нацистской Германией Восточной Европы, опираясь на примеры более раннего времени — того периода, когда Индийский архипелаг был колонизирован нидерландской VOC (Объединенной восточной компанией, *Verenigde Oostindische Compagnie*). Однако разработанную в 1900—1941 гг. в нидерландской Индии и направленную на долгосрочное воспитание аборигенов к самостоятельности так наз. этическую политику Бурш не воспринимал как призыв к руководству: согласно его взглядов, в Украине на управление народом требовалась твердая, справедливая рука (Bursch 1943/38). Сходство проявилось в иконографическом плане. Бурш и его сотрудники ходили в Украине в обычных белых льняных костюмах колониального стиля и тропических шлемах, что иногда приводило к неожиданностям: однажды на прогулке по окрестностям их оставила местная полиция, принявшая их за английских летчиков⁶.

⁶ Письмо Бурша к жене Емше из Соленого от 23.08.1943 // Частный архив Ф.С. Бурша.

СС-Аненербе и археология Украины. Не удивительно, что при Третьем рейхе страдало традиционное археологическое исследование немецкого до- и протоисторического общества. Идеалом национал-социализма являлась «*gesellschaftbezogene*» (поддерживающая отношения с обществом) наука, в связи с чем было стремление поставить археологические исследования в сверхнациональные германские рамки. Тем не менее, британский археолог-историк Триггер в 1989 г. в книге «*History of Archaeological Thought*» сделал вывод, что, несмотря на нацистский идеал построения нового мирового порядка, немецким археологам не удалось создать империалистическую археологию, хотя, тем не менее, они произвели экстремальный вариант уже существующей националистической археологии (Trigger 1989, p. 164). Однако такое представление о немецкой археологии до 1933 г. правдиво только отчасти. Германия в странах древности имела уже долгую традицию политически мотивированных археологических проектов явно империалистического характера, в которых одновременно главную роль играла научность. При археологических исследованиях в Италии, Греции и Османской империи Немецкий археологический институт (*Deutsches Archäologisches Institut, DAI*) применял самые современные методы раскопок (Marchand 1996, p. 75—115). При этом немцы считались «носителями культуры», обладающими большими правами на объект исследования — древние народы, чем нынешние жители тех стран, где производились раскопки (Fuhrmann 2006). И DAI направлялся не только в страны древности. В 20-е гг. была разработана программа по исследованию следов германских массовых переселений внутри Европы, от Испании до Украины (Fehr 2003, s. 226—227; сравни: Junker 1998). Кроме того, в период между Первой и Второй мировыми войнами Германия произвела «*West-forschung*» и «*Ostforschung*». В этом междисциплинарном исследовании германского характера находящихся вне Германии территорий, подтверждающем территориальные претензии в Западной и Восточной Европе, основная роль была уделена доистории (Adam, Bardisès 2001; Fehr 2003; Halle 2003; Eickhoff 2004; Leube 2004; 2004a; Gasche 2005). После 1933 г. эти традиции можно было продолжать без излишних содержательных изменений.

При Третьем рейхе практика археологии в особенности определялась двумя новыми, конкурирующими между собой учреждениями: Ведомством Розенберга (*Amt Rosenberg*) и СС-Аненербе (Bollmus 1970; Kater 1974). Последнее

учреждение, имеющее большее отношение к данной статье, в 1935 г. было создано в Берлине Рейхсфюрером-СС Г. Гиммлером, Рейхсбауэрнфюрером Р.В. Даррэ и нидерландско-немецким языковедом Г. Виртом. Амбициозные и выборочные цели учреждения касались исследования, содержания и оживления как культурного, так и генетического наследия арийских предков. В деятельность учреждения, совпадающую на практике в основном с личными интересами самого Гиммлера, вошли, прежде всего, астрономия, индогерманистика, этнография, история и германская археология. В первые годы после создания учреждение под руководством В. Сиверса развивалось в научную службу СС. Археологическое отделение вскоре стало предметом гордости всей службы. Ведущие университетские доисторики, в том числе Г. Янкун, согласились произвести раскопки, в то время, как в другие области науки были привлечены в основном лица, считающиеся по тогдашним научным нормам лжеучеными (о Янкуне и его карьере см.: Mahsarski 2009). СС-доисторики считали, что, благодаря их вкладу, снизился псевдонаучный характер СС-Аненербе. Например, за несколько лет они добились увольнения из учреждения Вирта, воспринятого всеми как псевдоученого (Löw 2005).

После начала Второй мировой войны Аненербе опять изменилось: некоторые отделения занимались в концлагерях медицинскими опытами, в которых, по всем известным данным, доисторики СС-Аненербе непосредственно не участвовали. Однако и для них Вторая мировая война оказалась переломной. На оккупированных территориях они разработали археологическую политику, в рамках которой организовали в Восточной Европе «Sicherstellung» (заверение) культурных достояний. На самом деле речь шла об эвфемизме для хищения культурных ценностей, так как в основном те собрания или их части, которые считались германскими, были увезены (см.: Hufen 1998; Heuss 2002). После начала Второй мировой войны Янкун в качестве заведующего отделением по раскопкам (Abteilung Ausgrabungen) мог определять программу Аненербе по раскопкам (Steuer 2004, s. 465). Не давая ограничить национальными границами территорию его исследования, Янкун определил цель для археологов Аненербе: исследовать индогерманские корни европейских народов (Steuer 2001). После того, как Янкун в 1942 г. стал начальником Особой команды Янкуна (Sonderkommando Jankuhn), он получил возможность направить эту программу на архео-

Местное население Соленого, снимок Бурша (авторские права принадлежат Государственному музею древностей, Лейден, Нидерланды)

логию южной России и Украины. Особое внимание уделялось археологическому наследию викингов и южнороссийской готской империи, в том числе под Киевом и вдоль Днепра (Steuer 2004, s. 472, 487, 494).

Когда Бурш в феврале 1943 г. получил в Гааге приглашение Янкуна произвести раскопки в Украине, недалеко от Днепра, несомненно он почувствовал, что сбылась мечта⁷. Он получил возможность приобрести знания о доистории территории, к которой долгое время голландцы не имели доступа и которая, по содержанию профессиональным причинам, была ему и его близким коллегам дорога. Эти причины касались вопроса о происхождении доисторического нидерландского «народа кубков». Доисторики, работавшие в первой половине XX в. в Государственном музее древностей в Лейдене, долгое время придерживались мнения, что этот «народ кубков» произошёл из южной России (Remouchamps 1923; Holwerda 1925, s. 43—

⁷ Письмо F. Mai к H.E. Schneider от 11.02.1943 // Bundesarchiv, Berlin, 2180—515.

Босоногие каторжники с тачкой-самосвалом (авторские права принадлежат Государственному музею древностей, Лейден, Нидерланды)

53). Вовлеченность Янкуна в СС-Аненербе совсем не мешала Буршу, который уже в сентябре 1940 г. решил сочетать свою археологическую деятельность с политической в пользу национал-социализма. На основе научных до- и протоисторических знаний им было развито идеализированное представление о прошлом, в котором центральное место занимало расово чистое общество, которое было для него утопическим идеалом. Частично потому, что в начале 30-х гг. занимаясь два семестра в Германии, он думал, что лишь национал-социалисты в состоянии осуществить этот идеал (Eickhoff 2003, s. 257—272).

Сотрудник Бурша де Бооне в 1996 г. об исследовании в Соленом упомянул: «Того, чего искали, мы не нашли»⁸, что в своем отчете о раскопках в 1944 г. отметил и Бурш. Он писал, что «естественно» он интересовался следами «наших германских предшественников», в особенности готов и викингов. Но по структуре и содержанию (могилам и посуде) исследуемых курганов он вскоре понял, что это ему не удастся. Оказалось, что курганы были бронзового века и в одном находятся скифские останки. Хотя ему было трудно скрыть свою разочарованность, Бурш, оптимистичный как всегда, говорил о «перспективных достижениях», так как можно было связать находки с европейской культурой кубков. Отталкиваясь от существующих

уже давно у лейденских коллег представлений о том, что культура кубков пришла с востока на запад, он утверждал, что движение шло в противоположном направлении. Ссылаясь на недавнее немецкое нашествие, спровоцировавшее его раскопки, он заявил: «В растерянности великого южнороссийского простора, фактически предоставлены самим себе, вымирали носители культуры кубков, европейцы и, вероятно, люди северной расы, веками, практикуя земледелие и скотоводство, наверно оттого, что они, будучи немногочисленными, вошли в оригинальное монгольское население. Очевидно, все снова и снова для южной России оправдывается: не ex oriente, но ex occidente lux!» (Bursch 1944, s. 9, 24, 26).

Таким образом, Бурш отошел от традиционных лейденских взглядов и приблизился к украинской программе исследований Янкуна. К подходу Янкуна также подключились избирательные научные интересы Бурша, открыто различающего находки первого ранга (т. е. германского происхождения) от материалов второго ранга (т. е. другого происхождения). К тому же выводы Бурша служили опорой позиции Гиммлера в том, что в доисторическое время российские территории изначально были населены северогерманскими племенами, которые потом смешались со славянским населением, тем самым потеряв свою лидирующую роль (Kroll 1998, s. 227). Относительно того, что поворот во взглядах Бурша на происхождение «народа кубков» был уступкой или следствием давления со стороны Янкуна

⁸ Интервью W.J. de Voone, Гардерен (Нидерланды), 9.05.1996.

или других сотрудников СС-Аненербе, данных нет. Наоборот, Бурш со стороны заказчиков испытывал поддержку и поощрение. Его отношения с Янкуном носили дружески-коллегиальный характер. По пути в Днепропетровск, остановившись в Берлине, они, так по крайней мере Бурш писал супруге, «очень уютно поужинали»⁹. Контакты поддерживались и в Украине. Известно, что Янкун посетил раскопки под Соленым. Даже после того, как у Бурша установили желтуху и с конца июля до начала августа в течение 16 дней его лечили в больнице Днепропетровска, и там его посетил Янкун¹⁰. Такой ход дел проливает иной свет относительно традиционного взгляда на СС-Аненербе, а именно, что в этой организации доисторики, делая мелкие уступки идеологии, создавали себе пространство для объективного исследования (Kater 1974, s. 73—74). Здесь Бурша и Янкуна, скорее, можно назвать активными научными участниками в новой политической системе, представляющей им как великолепный расовый проект.

Исследование курганов под Соленым. В то время, как Бурш в начале июня начал исследовать три кургана под Соленым, и он сам, и его СС-заказчики ожидали, что самый крупный из них лишь по впечатляющему размеру обязательно окажется германским. Это убеждение выросло из идеи, что немецкое расширение в восточном направлении было предназначено природой и повторяет передвижения народов прошлого.

Три исследованных кургана были частью комплекса, состоявшего примерно из 50 насыпей. Самый крупный был высотой 4,5 м и 35,0 м в диаметре. Перед коллективизацией этот курган был собственностью местного попа и поэтому назывался Попова Могила. Сам Бурш раскопки закончить не мог. 18 сентября 1943 г. их пришлось прекратить из-за того, что Красная Армия слишком близко подошла к Соленому. Его сотрудник де Бооне утверждал, что буквально было слышно фронт¹¹.

Для раскопок Бурш имел в распоряжении 20 украинских каторжников. В течение раскопок их число сократилось до девяти по неупомянутым Буршом причинам. После войны, во время его судебного дела в Голландии, Бурш заявил, что охранники каждое утро приводили, днем охраняли и вечером отвозили каторжников в лагерь,

⁹ Письмо Ф.С. Бурша к жене Емше. Берлин, 19.05.1942 г. // Частный архив Ф.С. Бурша, папка IV.

¹⁰ Письмо Ф.С. Бурша к W. Goedhuys от 5.08.1943 г. // Частный архив Ф.С. Бурша, папка IV.

¹¹ Интервью W.J. de Voone, Гардерен (Нидерланды), 9.05.1996.

им не описанный¹². Заключенные, в том числе и молодые девушки, работали по 12 час. в день. Бурш также рассказал, что Герц, Ortskommandant Соленого, не разрешал их обижать, тем более бить. Они работали «лопатай, которую голой ногой должны были вдавливать в жесткую глину»¹³. Бурш также упомянул, что каторжники обычно были в хорошем настроении и пели грустные песни (Bursch 1943/41; 1944, s. 11—12).

Нынешним местным жителям известно, что немцы раскопали три кургана. Самый крупный ранее был виден из села. По всей видимости, копали каторжники, которых увозили на работу рано утром и забирали очень поздно¹⁴. Также был передан тот факт, что каторжников содержали в подвале здания немецкого Ortskommandantur¹⁵. Сельских жителей не допускали к месту раскопок¹⁶, что впоследствии обросло слухами: даже рассказывали, что там ищут золото¹⁷. Местное население, конечно, интересовало раскопки: после того, как в одном из курганов нашли детскую могилу, там ночью были возложены цветы, упомянул Бурш. Видимо, то значение, которое придавало кургану Аненербе, деревенским жителям было неизвестно. Исчезнувшая в настоящее время насыпь является *lieu de mémoire* о немецком присутствии в Украине. Один очевидец даже назвал холм местом уничтожения евреев¹⁸.

После 1943 г. крупный курган, прорытый двумя траншеями и с тех пор называемый Разрытая Могила, больше не трогали. В середине 50-х гг. он был снивелирован, чтобы освободить поле для кукурузы. Несколько десятилетий спустя территория стала использоваться для земледелия, что в направленном на прогресс Советском Союзе часто встречалось¹⁹. Данные о раскопках не сохранились ни в краеведческом

¹² Бурша 1 марта 1948 г. приговорили к пяти годам с учетом предварительного заключения. Его условно выпустили 1 сентября 1948 г. после двух лет и пяти месяцев заключения. См.: Дело Ф.С. Бурша // Центральный архив особого судопроизводства Национального архива (Centraal Archief Bijzondere Rechtspleging, Nationaal Archief) в Гааге.

¹³ Bursch F.C. Лекция «Russische Reisindruckken» 5 и 7 // Частный архив Ф.С. Бурша, папка IV.

¹⁴ Интервью с А.П. Супруненко — жителем Соленого, которому в 1943 г. было 17 лет, 1.06.2006 г.

¹⁵ Интервью с В.Н. Павловым — историком-краеведом, Солёное, 1.06.2006 г.

¹⁶ Интервью с А.П. Супруненко, 1.06.2006 г.

¹⁷ Интервью с В.Н. Павловым, 1.06.2006 г.

¹⁸ Интервью с А.П. Супруненко, 1.06.2006 г.

¹⁹ Интервью с Е.Л. Фещенко, Охрана памятников истории и культуры, Солёное, 1.06.2006 г.

музее Соленого, ни в Историческом музее Днепрпетровска²⁰. В этом, наверное, сыграло роль то, что устроенный Ведомством Розенберга в ноябре 1942 г. в Киеве как начальник украинского Landesinstitut für Vor- und Frühgeschichte (Национального института по до- и протоистории) археолог Р. Штампфусс не разрешил Буршу изучать коллекцию музея последнего. Штампфусс обиделся за то, что он лишь «auf Umwegen» (косвенно) узнал, что Бурш по заказу СС производит раскопки в Украине²¹. По крайней мере, Бурш не успел узнать о том, что созданный в 1849 г. Исторический музей в Днепрпетровске имеет традицию раскопок с 1837 г.²², как и не узнал о крупномасштабном исследовании, произведенном в 1930-е гг. под руководством Дмитра Яворницкого в долине Днепра перед постройкой ДнепрГЭС (Tallgren 1936, s. 138, 144; Капустіна 1999).

Группа европейских археологов в 1930-е гг. с интересом наблюдала, как в Советском Союзе отдалялись от системы «трех веков» деления доистории (каменный, бронзовый и железный века) и на основе историко-материалистических принципов исходили из общественных формаций (племенная, феодальная); та же группа озабоченно наблюдала принудительное переселение советских археологов Сталиным (о принудительных переселениях и оценку содержательного профессионального развития см.: Tallgren 1936, s. 131, 149—151). Но Бурш не относился к той группе археологов. Еще менее он был в курсе того, что в 1930-е гг. в Советском Союзе производились исследования этногенеза (Trigger 1989, p. 229—230; Shnirelman 1995, p. 129—132). Так как русскоязычные источники ему были недоступны, он ссылался только на немецкие издания, например, русского эмигранта М.И. Ростовцева (Rostovtseff 1922). Таким образом, ничего ему не мешало утверждать, что применяемый им при раскопках курганов в Соленом метод квадратов, будучи западноевропейским достиже-

ем, представил южнороссийскую древность в новом свете (Bursch 1944, s. 26).

Археологические издания после 1945 г. о раскопках СС в Украине молчали. Примером может служить вышедший в 1991 г. каталог «Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine» («Золото степи. Археологія України»), Schleswig. Тот факт, что в Советском Союзе долгие годы не давали возможности исследовать соединение науки с идеологией, еще больше подкрепил наложение табу и стыд на немецкой стороне. Также нежелательно было утверждать, что раскопки СС были высокого качества. Но раскопки СС и менталитет, в котором они были произведены, не остались без следа. В 1950-е гг. в Советском Союзе производились археологические исследования с тем, чтобы разрушить миф о германском культурном расширении (Shnirelman 1995, p. 137).

Заключение. Анализ раскопок Бурша в Украине для Аненербе проясняет, по крайней мере, то, что археологическая экспедиция, очевидно, была связана с нацистской политикой истребления населения Украины. Раскопки служили обоснованием расистского мировоззрения, легитимизирующего эту политику уничтожения.

Тема отношений между геноцидом и археологией важна, но в научной литературе редко обсуждается (Kossak 1999, s. 76; ср.: Arnold 2002). Что касается археологии СС-Аненербе и Холокоста, на теоретическом уровне не трудно найти связи. Внутри организации существовал идеализированный взгляд на германское прошлое, по которому «германское» настоящее, во имя будущего, необходимо защищать всеми, в том числе и самыми радикальными средствами. Особое место занимают описания Буршом деревенской жизни в Соленом. С одной стороны, они похожи на западноевропейские описания райских садов из прошедших времен, с другой, обращая особое внимание на предполагаемую жесткость украинцев, он мог романтизировать массовое убийство на практическом уровне как выражение естественного поведения и таким образом создал себе «антропологию» геноцида. Очень значимый приложенный Буршом к одной из своих статей в журнале *De Waag* рассказ о казацком атамане Бен Али, который одному немецкому офицеру, не поверившему, что он убивает в неделю по 20 жертв («евреев и большевиков»), захав через несколько дней, вручил мешок с 20 головами. Бурш заметил: «Тут романтика 1001 ночи — все еще действительность» (Bursch 1943/24, s. 375).

²⁰ Интервью с Н. Капустиной, Л. Чуриловой, В. Бетековой, Днепрпетровск, Исторический музей, 31.05.2006 г.

²¹ Письмо Бурша к W. Goedhuys, Соленое, 5.08.1943 г. // Частный архив Бурша, папка IV. Про развитие и ход конфликта см.: Письмо Бурша к W. Hülle, Соленое, 1.06.1943 г.; Письмо W. Hülle к Буршу, Днепрпетровск, 12.06.1943 г.; Письмо Бурша к R. Stampfuß, Соленое, 21.06.1943 г.; Письмо R. Stampfuß к Буршу, Киев, 5.07.1943 г.; Письмо Бурша к R. Stampfuß, Соленое, 6.08.1943 г.; Письмо Бурша к Selzner, Соленое, 6.08.1943 г. // Частный архив Бурша, папка IV.

²² Интервью с Н. Капустиной, 31.05.2006 г.; см. также: Капустіна 1999.

- Kanustina H.I.* Дніпропетровському історичному музею — 150 років // Музей на межі тисячоліть. — Дніпропетровськ, 1999.
- Круглов А.И.* Катастрофа українського єврейства 1941—1944 гг. // Энциклопедический справочник. — Харьков, 2001. — С. 294.
- Adam A.M., Bardès I.* L'archéologie en Alsace et en Moselle au temps de l'annexion. — Strasbourg, 2001.
- Arnold B.* Justifying Genocide. Archaeology and the Construction of Difference // A. Laban Hinton (ed.). Annihilating Difference. The Anthropology of Genocide. — Berkely, 2002. — P. 95—116.
- Barnouw D.* Oostboeren, zee-germanen en turfstekers. Kolonisatie tijdens de Tweede Wereldoorlog. — Amsterdam, 2004.
- Berkhoff K.C.* Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine Under Nazi Rule. — Cambridge, 2004.
- Bollmus R.* Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Studien zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. — Stuttgart, 1970.
- Brather S.* Die Projektion des Nationalstaats in die Frühgeschichte. Ethnische Interpretationen in der Archäologie // M. Hardt, C. Lübke, D. Schorkowitz (ed.). Inventing the Pasts in North Central Europe. The National Perception of Early Medieval History and Archaeology. — Bern, 2003. — P. 18—42.
- Bursch F.C.* Een Nederlandsche Archaeoloog in de Russische Steppe — Het leven in een Oekraïensch dorp // De Waag. — 1943. — **24**. — S. 375.
- Bursch F.C.* Een Nederlandsche Archaeoloog in de Russische Steppe — De Oekraïense bevolking // De Waag. — 1943. — **30**. — S. 474—475.
- Bursch F.C.* Een Nederlandsche Archaeoloog in de Russische Steppe — Het harde hart // De Waag. — 1943. — **38**. — S. 596—597.
- Bursch F.C.* Een Nederlandsche Archaeoloog in de Russische Steppe — Een dag «op den buiten» in de Oekraïne // De Waag. — 1943. — **39**. — S. 620—621.
- Bursch F.C.* Een Nederlandsche Archaeoloog in de Russische Steppe — Do suidanie, Oekraïna // De Waag. — 1943. — **41**. — S. 650—651.
- Bursch F.C.* Grafheuvelonderzoekingen bij Solonje, gebied Dnjeprpetrowsk Oekraïna // Oost Europa. Cultuur en Wetenschappelijk Tijdschrift. — 1944. — **1**. — S. 9—31.
- Díaz-Andreu M., Champion T.* Nationalism and Archaeology in Europe: an Introduction // M. Díaz-Andreu, T. Champion (ed.). Nationalism and Archaeology in Europe. — London, 1996. — P. 1—23.
- Eickhoff M.* Die politisch-gesellschaftliche Bedeutung der Archäologie während der deutschen Besetzung der Niederlande. Reflexionen am Beispiel von F.C. Bursch und A.E. van Giffen // A. Leube и M. Hegewisch (ed.). Prähistorie und Nationalsozialismus. Die mittel- und osteuropäische Ur- und Frühgeschichtsforschung in den Jahren 1933—1945. — Heidelberg, 2002. — S. 555—573.
- Eickhoff M.* De Oorsprong van het «Eigene». Nederlands vroegste verleden, archeologie en nationaal-socialisme. — Amsterdam, 2003.
- Eickhoff M.* Zusammenarbeit diesseits und jenseits der deutsch-holländischen Grenze: A.E. van Giffens archäologische Forschung in den niederlanden, «Westforschung» und die Praxis der deutschen Besetzung // M. Middel, U. Sommer (ed.). Historische West- und Ostforschung in Zentraleuropa zwischen dem Ersten und dem Zweiten Weltkrieg—Verflechtung und Vergleich. — Leipzig, 2004. — S. 55—71.
- Fehr H.* Germanen und Romanen im Merowingerreich. Frühgeschichtliche Archäologie zwischen Wissenschaft und Zeitgeschichte. Inaugural-Dissertation — Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg i. Br. — Freiburg, 2003.
- Fetscher I.* Bewunderung wurde Stalin nicht versagt. Das Russlandbild der deutschen Soldaten wandte sich zum Guten // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 28.12.2003.
- Fuhrmann M.* Der Traum von deutschen Orient. Zwei deutsche Kolonien im Osmanischen Reich 1851—1918. — Frankfurt am Main, 2006.
- Gasche M.* Die Vor- und Frühgeschichtsforschung im Reichskommissariat Ostland, 1941—1944 // EAZ. — 2005. — **46**. — P. 91—104.
- Halle U.* Archäologie und Westforschung // B. Dietz, H. Gabel, U. Tiedau (ed.). Griff nach dem Westen. Die «Westforschung» der völkisch-nationalen Wissenschaften zum nordwesteuropäischen Raum (1919—1960). — Münster, 2003. — S. 383—406 (Studien zur Geschichte und Kultur Nordwesteuropas. — **6**).
- Heuss A.* Prähistorische «Raubgrabungen» in der Ukraine // A. Leube, M. Hegewisch (ed.). Prähistorie und Nationalsozialismus. Die mittel- und osteuropäische Ur- und Frühgeschichtsforschung in den Jahren 1933—1945. — Heidelberg, 2002. — S. 545—554.
- Hodder I.* The past as passion and play: Çatalhöyük as a site of conflict in the construction of multiple pasts // L. Meskell (ed.). Archaeology under Fire. Nationalism, politics and heritage in the Eastern Mediterranean and Middle East. — London, 1998. — P. 124—139.
- Holwerda J.H.* Nederland's Vroegste Geschiedenis. — Amsterdam 1925.
- Hoof, van L.* Ostrogoten in der Skythensteppe. De opgraving van de Staraja Popowa Mogila binnen de archeologiebeoefening in het Derde Rijk. — Дипломная работа МА, Университет Лейден, 1998.

- C. Hufen.* Gotenforschung und Denkmalpflege. Herbert Jankuhn und die Kommandounternehmen des «Ahnenerbe» der SS // W. Eichwede, U. Hartung (ed.). «Betr.: Sicherstellung» NS-Kunstraub in der Sowjetunion. — Bremen, 1998. — S. 75—95.
- Junker K.* Research under Dictatorship: The German Archaeological Institute 1929—1945 // *Antiquity*. — 1998. — 72. — P. 282—292.
- Kater M.H.* Das «Ahnenerbe» der SS 1935—1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. — Stuttgart, 1974.
- Kossack G.* Prähistorische Archäologie in Deutschland im Wandel der geistigen und politischen Situation // Bayerische Akademie der Wissenschaften, Phil.Hist. Klasse. — Sitzungsbericht, Jg 1999. — Heft 4.
- Kroll F.L.* Utopie als Ideologie. Geschichtsdenken und politisches Handeln im Dritten Reich. — Paderborn, 1998.
- Leube A.* Der Prähistoriker Werner Radig (1903—1985). Ein Beitrag zur deutschen Prähistorie im Wandel der Zeiten // *EAZ*. — 2004. — 45. — S. 83—129.
- Leube A.* Zur Problematik der Gotenforschung im Nationalsozialismus. Aktionen—Personen—Ideologien // *Monumenta Studia Gothica*. — 2004a. — IV. — S. 249—269.
- Löw L.* Der «Fall Herman Wirth» // *Archäologisches Nachrichtenblatt*. — 2005. — 10-3. — S. 315—320.
- Mahsarski D.* Herbert Jankuhn. Ein deutscher Prähistoriker zwischen national-socialistischer Ideologie und wissenschaftlicher Objektivität. Dissertation. — Göttingen, 2009.
- Marchand S.L.* Down from Olympus. Archaeology and Philhellenism in Germany, 1750—1970. — Princeton, 1996.
- Remouchamps A.E.* De cultuur der koepelgrafheuvels. Opgravingen nabij Ermelo // *Oudheidkundige Mededeelingen uit 's Rijksmuseum van Oudheden te Leiden*. — 1923. — IV. — S. XCV—CXVI.
- Rost M.M. van Tonningen.* Bericht von Dr. M.M. Rost van Tonningen, Präsident des Aufsichtsrates der Nederlandsche Oost Compagnie N.V. gegründet am 6. Juni 1942 in Den Haag über die bisherigen und zukünftige geplante Aufbau-Arbeit der Nederlandsche Oost Compagnie N.V. in den besetzten Ostgebieten. — 's-Gravenhage, 1943.
- Rostovtzeff M.* *Iranians and Greeks in South Russia*. — Oxford, 1922.
- Shnirelman V.A.* From Internationalism to Nationalism: Forgotten Pages of Soviet Archaeology in the 1930s and 1940s // P.L. Kohl, C. Fawcett. *Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology*. — Cambridge, 1995. — P. 120—138.
- Steuer H.* Herbert Jankuhn und seine Darstellungen zur Germanen- und Wikingerzeit // D. Hakelberg, H. Steuer (ed.). Eine hervorragend nationale Wissenschaft. Deutsche Prähistoriker zwischen 1900 und 1995. — RGA-E. — 2001. — Band 29. — S. 417—473.
- Steuer H.* Herbert Jankuhn — SS-Karriere und Ur- und Frühgeschichte // H. Lehmann и O.G. Oexle (ed.). *Nationalsozialismus in den Kulturwissenschaften*. — Band 1: Fächer—Milieus—Karrieren. Veröffentlichungen des Max-Planck-Institut für Geschichte. — Göttingen, 2004.
- Tallgren A.M.* *Archaeological Studies in Soviet Russia* // *ESA*. — 1936. — X. — S. 129—170.
- Trigger B.G.* *A History of Archaeological Thought*. — Cambridge, 1989.
- Wette W.* Das Rußlandbild in der NS-Propaganda. Ein Problemaufriß // H.E. Volkmann (ed.). *Das Rußlandbild im Dritten Reich*. — Köln, 1994. — S. 55—78.

Надійшла 08.10.2009

M. Ейкхоф

«РОМАНТИКА 1001 НОЧИ» ЗА ВОСТОЧНЫМ ФРОНТОМ? — МИКРОИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАСКОПОК СС-АНЕНЕРБЕ В СОЛЕНОМ (Украина, 1943 г.)

Данная статья содержит отчет микроисторического исследования раскопок трех курганов в расположенной южнее Днепропетровска деревне Соленое, проведенных летом 1943 г. нидерландским доисториком Ф.С. Буршом. Раскопки производились по приглашению как окружного комиссара (Гебитскомисара) Днепропетровска СС-Бригаденфюрера Клауза Селцнера, так и научной службы СС-Аненербе. Полностью соответствуя политике Аненербе, Бурш в своих исследованиях применял самые современные методы. В течение раскопок на него произвели сильное впечатление украинское население и культура. Однако к непредубежденному знакомству с местными жителями или к сотрудничеству с украинскими учреждениями по археологическим исследованиям он не стремился. Окончательной целью было и осталось с помощью археологических раскопок легитимизировать завоевание Украины Германией, а также исполняемую там убийственную политику населения. Применяя микроисторический подход, автор старается реконструировать ход дел на местном уровне и прервать доминирующие над сохраняемыми в Нидерландах и Германии источниками взгляды СС на эти раскопки, противопоставляя им украинские взгляды. С этой целью автором — историком, исследователем, связанным с Нидерландским институтом военной документации (NIOD), были проведены разговоры, с одной стороны — с непосредственными и косвенными свидетелями из Соленого, с другой — с археологами в Киеве и Днепропетровске.

M. Eickhoff

«ROMANCE OF 1001 NIGHTS» BEHIND THE EASTERN FRONT? MICRO-HISTORICAL RESEARCH OF THE EXCAVATIONS SS-ANENERBE IN SOLONE (Ukraine, 1943)

The article contains a report on micro-historical research of excavations of three burial mounds in Solone village situated to the south from Dnipropetrovsk conducted by the Dutch pre-historian F.C. Bursch in 1943. The excavations were started upon invitation of both district commissar (Gebietskomissar) of Dnipropetrovsk SS Brigadefuhrer Klaus Selzner, and the Scientific section of SS Ahnenerbe. Completely corresponding politics of Ahnenerbe F.C. Bursch in his research used the most recent methods. During the excavations he was under a strong impression of Ukrainian habitants and culture. However, he did not strive for unbiased familiarity with the local population and for cooperation with Ukrainian archaeological institutions. A definitive goal was and remained legitimation with help of archaeological research of Germany's conquest of Ukraine and of murderous politics provided there. Using micro-historical approach the author tries to reconstruct a course of events at the local level and break off the SS's opinion about these excavations prevailing upon sources kept in the Netherlands and Germany, by opposing them to Ukrainian opinion. On this purpose the author, a researcher of history related to the Dutch Institute for War Documentation (NIOD), interviewed direct and indirect witnesses from Solone, on the one hand, and archaeologists in Kyiv and Dnipropetrovsk, on the other.